

ББК 88.3
С88

С88 Студенческие Смольные чтения / Smolny Student Conference.
Сборник статей по результатам международной студенческой конференции. 2015–2017. — СПб.: Астерион, 2020. – 272 с.

ISBN 978-5-00045-862-4

Сборник издается по итогам международной студенческой конференции «Студенческие Смольные чтения», 2015–2017 гг.

ББК 88.3
С88

ISBN 978-5-00045-862-4

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020
© Saint Petersburg State University, 2020

Список литературы

1. Керим Хас. 9 мая для Турции – вакуум значимости. *Российский совет по международным отношениям*. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5847#top-content
2. Лавров выразил обеспокоенность действиями Турции на севере Сирии. *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2016/08/31/lavrov-vyrazil-obespokoennost-dejstviiami-turcii-na-severe-sirii.html>
3. Мануков С. Багдадова победа. (2016) *Аналитический еженедельник издательского дома «Коммерсант» «Власть»*. - № 42 с. – 28 – 32
4. Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Турецкой республикой. *Портал внешнеэкономической информации. Министерство экономического развития Российской Федерации*. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/tr/tr_ru_relations/tr_ru_trade/
5. Шамсудин М. Алеппо с выходом. (2016) // *Аналитический еженедельник издательского дома «Коммерсант» «Власть»*. - № 42 с. – 34 – 37
6. Bilgin M. Energy and Turkey's Foreign Policy: Stare Strategy, Regional Cooperation and Private Sector Involvement // *Turkish Policy Quarterly*. Т. 2, №2, р. 83.

БМВ в пространстве смыслов: стрельба в Кунцево и репрезентация в СМИ

Веркеев А.М.

averkeev@ya.ru

Аннотация: Почему одни явления ассоциируются с преступностью, а другие – нет? Это один из вопросов, на которые отвечает культуральная криминология, и на который постарается ответить автор, используя конкретный пример. Главное предположение настоящего исследования заключается в том, что в субкультуре криминальных сообществ на постсоветском пространстве укоренены определённые разновидности автомобилей, а одним из наиболее заметных примеров является марка БМВ. С одной стороны, свидетельством этому являются практики самопрезентации участников субкультурных групп, а также их язык («бумер», «бомба», «боевая машина вымогателей»). С другой стороны, это подтверждается медийной продукцией, воспроизводящей такое представление об автомобилях марки и их владельцах. Согласно Джеффу Ферреллу, культура представляет собой «зал зеркал», где смыслы как создаются, так и впитываются разными типами акторов: преступниками,

представителями субкультур, полицией, медиа и зрителями. Настоящее исследование фокусируется на случае нападения на милиционеров, имевшем место в 2010 году в Кунцево (Москва). В качестве транспорта предполагаемых преступников фигурирует автомобиль БМВ чёрного цвета. В рамках анализа публикаций в СМИ автор выявляет характерное отношение к этому факту с точек зрения разных акторов, говорящее в пользу делаемого предположения. Ориентируясь на свидетелей, милиция и журналисты воспроизводят криминальный образ БМВ, однако показания главного свидетеля меняют положение дел. Предлагаемый анализ случая помещается в широкий контекст «зала зеркал». С опорой на динамическую концепцию культуральной криминологии автор развивает мысль Вадима Волкова, согласно которой исчезнувший в начале 2000-х российский криминалитет переместился из реального пространства в виртуальное, на киноэкраны.

Ключевые слова: культуральная криминология; криминальная субкультура; организованная преступность; медиа; БМВ.

Вместо введения: плюрализм значений в науке о преступности²⁶

Если родина, как поётся в знакомой каждому россиянину песне, начинается с картинки в букваре, то такая наука как криминология начинается не с картинки, а с письменного текста, и «букварь» здесь особенный – уголовный кодекс. Для того чтобы преступность можно было изучать, нужно чтобы она была кем-то создана. Речь идёт не о преступниках, которые, совершая преступления, казалось бы, создают преступность, а о государственных органах разных стран, учреждающих значение понятия «преступление» в собственных уголовных «букварях». Именно выделение определённых типов действий в особенный ранг, внесение их в «букварь», является главным гарантом существования преступности как социального феномена. В этом контексте показателен тезис Нильса Кристи, который можно считать основной теоретической предпосылкой критического анализа в криминологии: «Преступления не существует, пока специалисты – производители смыслов – не придадут данному поступку соответствующее значение» (Кристи, 2006, с. 20).

Процесс формирования спектра деяний, считающихся преступными, и назначения наказаний за совершение этих деяний, происходящий с помощью уголовного законодательства, обозначают термином криминализации (Simester, von Hirsch, 2014, p. 3–5). Однако этот термин может использоваться и в несколько ином смысле. Например, при описании ситуаций, когда деяние, вне зависимости от его нахождения или отсутствия в «букваре», начинает трактоваться как преступное (Добрынин, 2011, с. 21). Или же для обозначения любого внешнего оценивания и осуждения преступника (Шнайдер, 1994, с.

²⁶ Автор благодарит за комментарии к первой версии данной работы Анну Гуринскую, преподавателя курса «Преступление и наказание: теория, уголовная политика, права человека», который автор посещал во время обучения на факультете свободных искусств и наук СПбГУ. Ответственность за качество работы целиком и полностью лежит на авторе.

330). Здесь будет справедливым отступление в сторону теории стигматизации, согласно которой определение какого-то человека как преступника уже можно считать т.н. навешиванием ярлыка, или клеймением, ускоряющим его адаптацию к соответствующей социальной роли и виду деятельности (там же, с. 336–337). Разумеется, эта идея не лишена смысла, но она вызывает сомнения в части практической применимости. Реформация языка «сверху» представляется слабой альтернативой следованию устоявшимся и стихийно воспроизводимым речевым практикам. Тем не менее, даже с учётом вышесказанного, термины и определения «следует поставить в один ряд с наручниками и дубинками» (Волков, 2012, с. 166). Раз, следуя Кристи, не существует преступления, то не должно существовать и преступника.

Вернёмся к понятию криминализации. Попытки расширения спектра его значений связаны с тем, что криминализация (в своём «узком», уголовно-правовом значении) лишь воспроизводит сложный процесс конструирования девиантности. Девиация (т.е. единица девиантности) определяется как «несоответствие поведения индивидов определённым нормам» (Добрынин, 2011, с. 19). Процесс конструирования девиантности происходит в любом обществе, даже не содержащем институт уголовного права. Неформальные суждения об отклонении тех или иных деяний от «нормы» будут различаться от одной социальной группы к другой. Иначе говоря, если уголовный кодекс можно назвать официальным списком преступлений для данной страны, то никакого общего списка девиаций найти не удастся.

Упражнения по разработке универсальных критериев девиантного лишены смысла: в науке нет и, пожалуй, не может быть согласия относительно «природы девиации» (там же, с. 19). Напротив, отсутствие согласия скорее и является выражением её «природы». Дело в том, что механизм конструирования девиантности сложен и включает в себя влияние множества контекстных факторов. По мнению Говарда Беккера, феномен девиации зависит от их следующего перечня: субъекта, выносящего суждение о девиантности, ситуации, в которой это суждение выносится, и процесса (технологии), посредством которого выносится суждение (Becker, 1966, p. 4). При этом индивид, как правило, состоит в нескольких социальных группах одновременно, каждая из которых имеет собственные нормы и, соответственно, представления об отклонениях от них (*ibid.*, p. 8).

Ясно, что категория девиантности является более общей по отношению к категории преступности. В то же время элементы множества девиантного не обязательно являются элементами множества преступного. Девиация может быть криминализована (занесена в «букварь»), но не любое криминализованное деяние обязательно является девиацией (Добрынин, 2011, с. 21). Многообразие форм отношений, в которых могут состоять

девиантность и преступность, обусловлено как раз субъективным характером определения девиантного. Недевиантные преступления возникают тогда, когда государство криминализует деяние, отнюдь не угрожающее безопасности и сохранности общественных отношений. К примеру, можно представить, что сухой закон, запрещающий оборот алкогольной продукции, в действительности не связан с опасностью, которую алкоголь представляет для каких-либо общественных отношений. В ряде случаев алкоголь, наоборот, поддерживает общественные отношения, своеобразным подтверждением чему является непереносимое формирование чёрного рынка вслед за запретом (интересно, что термин «чёрный рынок» в каком-то смысле тоже можно трактовать как ярлык или клеймо – то, что должна была бы изучать *экономическая девиантология*).

Процесс криминализации даже в случае недевиантных преступлений (и, тем более, в случае девиантных преступлений) не проходит незаметно. Представляется, что само по себе нахождение деяния в уголовном кодексе неизбежно влияет на восприятие этого деяния людьми и на демонстрируемое к нему отношение. Например, отношение к лёгким наркотикам может существенно отличаться в странах, где они декриминализованы, и в странах, где они находятся под запретом.

Особенно примечательны ситуации, когда наблюдаемое поведение воспринимается, интерпретируется как преступное (или связанное с преступностью), хотя в действительности уголовное законодательство не нарушается. Надо думать, что такие ситуации во многом возникают из-за искажённой или недостаточной информации о содержании уголовного кодекса, которой располагает наблюдатель. Вместе с тем, формальное определение деяния и чувство грозящей опасности связаны скорее косвенно и слабо. В частности, ответная реакция на интерпретированное как девиантное и/или преступное поведение в виде действия «здесь и сейчас» не предполагает вовлечения каких-либо других интерпретаций, кроме первоначальной. Об этом социологический афоризм, известный как теорема Томаса: если люди трактуют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях (Ferrell, 1999, p. 408). Такого рода прецеденты демонстрируют всю неоднозначность понимания криминального на бытовом уровне, сказывающуюся на поведении людей в повседневной жизни.

Предмет и теоретические основания культуральной криминологии

С осознанием неоднозначности трактовок расширились и границы предметного поля. Современная криминология не ограничивается исследованием преступности и уголовного права: к её предмету добавился широкий спектр явлений, связанных с конструированием девиантности, репрезентацией девиантности и преступности в медийном пространстве,

конфликтными ситуациями между и внутри социальных групп. На почве расширенного предметного поля возрастают новые направления в исследованиях, некоторые из которых уже претендуют на статус дисциплин. Одно из таких направлений – культуральная криминология²⁷ (cultural criminology; в вопросе перевода автор следует за Яковом Гилинским (Гилинский, 2012)). Кит Хейворд и Джок Янг как активные представители этого направления видят своей задачей возвращение социологической теории в науку о преступности (Hayward, Young, 2012, p. 113).

Одну из фундаментальных для культуральной криминологии предпосылок можно сформулировать так: один и тот же поступок, совершённый в физическом пространстве, в пространстве смыслов будет иметь количество значений, равное количеству точек зрения, в том числе возможных и потенциальных. Если рассматривать культуру как совокупность символов, интерпретируемых неким образом объектов, то на первый план выходит проблема присвоения значений. С одной стороны, каковы причины различия интерпретаций? Почему один и тот же объект интерпретируется по-разному? С другой стороны, почему интерпретации нередко совпадают?

Продолжая приведённый ранее тезис Кристи, смыслы производят не только специалисты: смыслы производят все. Без производства смыслов социальная жизнь невозможна. Поэтому задача культуральной криминологии – разобраться, кем, когда и при каких обстоятельствах производятся, транслируются и ретранслируются смыслы. Иными словами, главным вопросом любого культурально-криминологического исследования можно считать вопрос: «что всё это *значит?*». Кто и почему присваивает объекту или явлению конкретное значение, и как это сказывается на социальном окружении? Почему одни явления ассоциируются с преступностью, а другие – нет?

В рамках культуральной криминологии доминирующая роль в конструировании образов преступников и представлений о преступлениях отводится медиа, понимаемым в широком смысле, как это принято на западе. В понятие медиа входят не только СМИ, но и любые другие медиаторы человеческой коммуникации. К примеру, любой из видов искусства. Как замечает Сара Торнтон, медиа играют ключевую роль в производстве и распределении культурного знания, а также являются базовым фактором циркуляции субкультурного капитала (Thornton, 1997, p. 203).

Культуральная криминология удовлетворяет спрос на расширение спектра значений понятия криминализации, предлагая концепцию культуральной криминализации, подробно обсуждаемую Джеффом Ферреллом (Ferrell, 1999, p. 405). О культуральной криминализации

²⁷ Один из признаков формирования отдельной дисциплинарной области – появление специализированных компендиумов или учебных пособий: см. (Ferrell, Hayward, Young, 2008).

уместно говорить в случаях, когда какому-либо явлению или объекту присваивается значение, в соответствии с которым он имеет отношение к преступности. Роль уголовного кодекса здесь играет культура, а роль законодателя – интерпретирующие субъекты. Если в культуре формируется соответствующее воспроизводимое значение, придаваемое объекту, то этот объект можно считать культурально-криминализованным.

Концепция культуры, дополняемая теорией социальных групп, порождает понятие субкультуры. Именно субкультура является одним из ключей к пониманию как однообразия, так и разнообразия присваиваемых людьми значений. Если культуру можно рассматривать как совокупность символов, то субкультура характеризуется их однородностью. Субкультура – то место, где совпадают интерпретации одних и тех же объектов разными субъектами.

В отношениях между культурными и криминальными практиками особенное место занимает субкультурный стиль – «фундаментальная составляющая персональной и групповой идентичности, укоренённая в повседневных практиках социальной жизни» (Ferrell, 2004, p. 61). Как отмечает Феррелл, субкультурный стиль может быть «встроен» (embedded) в «причёски, телесные позы, одежду, автомобили, музыку, и множество других средств, через которые люди представляют себя публично» (ibid., p. 61). Практически идентичную мысль высказывает Торнтон, у неё «субкультурный капитал объективирован в форме модных причёсок и скупулёзно собранных музыкальных коллекций» (Thornton, 1997, p. 202–203). Альберт Коэн в этом контексте говорит о «знаках принадлежности» (Cohen, 1997, p. 47) и «критериях статуса» (ibid., p. 51). Чтобы сохранять свой статус внутри группы, индивид должен соответствовать критериям, посредством которых в данной субкультуре принято оценивать людей. Знаки принадлежности служат средствами сохранения и повышения статуса, соответствия внутригрупповым нормам поведения.

Субкультурный стиль – то, что позволяет актерам идентифицировать друг друга как членов той или иной социальной группы путём интерпретации наблюдаемых практик публичного представления себя (самопрезентации). С самопрезентацией связано, с одной стороны, конструирование субкультурной идентичности и, с другой стороны, реакция на неё со стороны медиа и властей (внешнее конструирование). Субкультурный стиль связан с обоими этими процессами (Ferrell, 1999, p. 403–404). Это показал, в частности, Диего Гамбетта, рассмотрев то, как преступниками копируются кинематографические образцы и стили поведения (Gambetta, 2009, p. 251–274). Таким образом, культуральная криминология обнаруживает свой предмет в поле повседневной жизни, в котором пересекаются субкультурное и медийное (Ferrell, 1999, p. 402). Она представляет собой «путешествие в спектакль и карнавал преступности, прогулку по бесконечному залу зеркал, где образы

создаются и потребляются преступниками, криминальными субкультурами, надзорными органами, институтами медиа и зрительской аудиторией» (ibid., p. 397).

Автомобиль БМВ в постсоветском пространстве смыслов

Предположение настоящей работы заключается в том, что субкультурный стиль криминальных сообществ на постсоветском пространстве отсылает к определённым разновидностям автомобилей, укоренённых в нём, а одним из наиболее заметных примеров является марка БМВ. С одной стороны, свидетельством этому являются практики самопрезентации участников субкультурных групп, а также их язык. С другой стороны, это подтверждается наличием медийной продукции, воспроизводящей такое представление об автомобилях марки и их владельцах, вроде публикаций в СМИ, телешоу, фильмов, сериалов, анекдотов²⁸, текстов песен, а также диорам²⁹.

Что на этот счёт думают в представительстве автопроизводителя? Президент ООО «БМВ Русланд Трейдинг» в своём интервью от 2005 года действительно признаёт криминальную ауру марки, но подчёркивает, что имиджевая политика не неё никогда не опиралась, а, напротив, старалась противопоставить культуральной криминализации «иные ценности» (Викторов, Сиринов, 2005, с. 46–47). Примечательно, что авторы интервью начинают его именно с демонстративных вопросов о криминальном имидже, а для заголовка выбрана фраза из популярной песни: «Быстрый и шальной» (о чём будет сказано далее). Впрочем, по их словам, «всё говорит о том, что лихие времена, когда автомобили этой марки в нашей стране ассоциировались с людьми не самыми добрыми и культурными, – позади» (там же, с. 46). Есть основания для того, чтобы с этим не согласиться. Если «лихие времена» и прошли, это не означает мгновенного вымирания всех связанных с ними смыслов, как бы этого не хотелось специалистам по брендингу компании БМВ.

Продемонстрировать укоренённость БМВ в криминальной субкультуре и наличие своего рода культурной памяти поможет обращение к базовому социальному институту – языку. В субкультурной системе координат не существует автомобиля БМВ, но существует «бумер». Аналогично не существует и автомобиля Мерседес – внутри субкультурного арго есть разве что «мерин» или «мерс» (изучение субкультурного языка упрощается благодаря специализированным словарям (Елистратов, 2000, с. 247)). Расшифровка аббревиатурного названия БМВ как «боевой машины вымогателей» (там же, с. 39) – ещё более показательный пример, из которого видно, что даже при тождественном написании итоговый смысл будет зависеть от субъекта-интерпретатора. Для кого-то «БМВ» отсылает лишь к Баварии.

²⁸ См. напр.: (Ledeneva, 2013, p. 179–180).

²⁹ Сергей Ковалев. Диорама «Осторожно, звери!» (<http://www.diorama.ru/gallery/dioramas/4860>; здесь и далее дата последнего обращения к онлайн-источникам: 10.12.2016).

Вадим Волков, хотя пишет о несколько иных аспектах дикого капитализма 1990-х годов, приводит обзор практических средств самопрезентации членов ОПГ. Бандита девяностых «можно легко распознать по физическим габаритам, жестам, речи, стрижке, одежде и, конечно, БМВ (“боевой машине вымогателей”), Мерседесу или джипу» (Волков, 2012, с. 158). Как видно, смысл перечисленных атрибутов легко соотнести со смыслом средств самопрезентации (или субкультурного капитала), рассмотренных в настоящей работе ранее. Обратимся теперь к противоположной стороне «зала зеркал» – медиа, репрезентирующим результат конструирования субкультурной идентичности.

Социальные науки уделяют относительно мало внимания изучению того, что, по аналогии с социальной реальностью, можно определить как *социальную виртуальность* – совокупность социальных действий и отношений в несуществующем обществе внутри какого-либо произведения искусства. Эта область представляется недооценённой и интересной для изучения с применением инструментов социального анализа в качестве альтернативы традиционным подходам искусствоведов, киноведов и литературоведов. Культуральная криминология уделяет этой области немало внимания, хотя в большинстве своём исследования всё же рассматривают искусство как элемент социальной реальности, часть некоторого диалога в обществе, нежели как самостоятельную виртуальность. Надо сказать, что при желании можно разыскать некоторые работы российских авторов, выполненные в этом ключе. Волков, проявляя интерес к медийной репрезентации одной из своих профильных тем – рынка охранных услуг в постсоветской России, – рассуждает о содержании фильма Петра Буслова «Бумер» (2003) именно в обществоведческих терминах.

Волков говорит о предельной правдоподобности «Бумера» в связи с тем, что в сюжете «этнографически точно» (Волков, 2004, с. 107) воспроизводятся детали социальной реальности постсоветской России. Как отмечает Волков, в фильме хорошо показана статусная иерархия, разрешение конфликтов «по понятиям», отсутствие долговременного планирования в поведении героев, случайность траектории движения по жизненному пути (воплощённая режиссёром в хаотичных перемещениях «бумера» по провинциальной местности), и так далее вплоть до мелочей (там же, с. 107–108). Об одной из такого рода деталей Волков не заявляет напрямую – надо думать, в силу её неподверженной рефлексии очевидности. Эта деталь содержится в самом названии фильма. Как представляется, своей правдоподобностью картина не в меньшей степени обязана присутствием в кадре автомобиля БМВ.

Таким образом, неопределённость траектории движения «бумера» тесно связана с самой природой движущегося объекта. Наблюдая лишь процесс преодоления пути (в данном случае внимание акцентируется на виде средства передвижения), мы можем делать выводы о

том, откуда и куда этот путь ведёт. То есть, видя «как» преодолевается путь, мы можем сказать «что» это за путь: форма предстаёт как содержание (Ferrell, 1999, p. 397). Трудно представить, чтобы ключевым элементом «Бумера» было какое-то другое транспортное средство. Исключением могут стать только близкие аналоги, так же закрепившиеся в смысловом пространстве постсоветской России в качестве «криминальных» или «бандитских». Иначе говоря, есть причины, по которым данный фильм имеет именно такое название, и в нём используется именно эта машина.

В самом начале фильма главные герои крадут припаркованный БМВ, принадлежащий неугоднему бизнесмену. При этом первоначально они собирались его не украсть, а попросту сжечь: идея об угоне и присвоении реализовалась спонтанно. Можно утверждать, что основным условием возникновения этой идеи было соответствие автомобиля, о котором идёт речь, критериям статуса, используемым ближайшим окружением (Cohen, 1997, p. 51) будущего владельца. Будь на месте БМВ автомобиль, не соответствующий нормативным критериям оценки, один из героев ни за что не предложил бы заменить поджог имущества его кражей.

Сергей Пархоменко – популярный хип-хоп исполнитель, известный как Серёга – в одной из своих песен как раз воспроизводит императив, способный объяснить классификацию автомобилей в соответствии с их статусностью: «до блеска вымыт его розовый Мини Купер, порядочный пацан такой себе не купит» (текст песни «Кружим»). Возвращаясь к фильму, можно представить, что в случае с автомобилем, имеющим отрицательное значение статусности, само предложение завладеть им уже являлось бы достойным порицания и применения внутригрупповых санкций. Максимум, что светило бы розовому Мини Куперу, окажись он в собственности у провинившегося перед бандитами бизнесмена, – канистра бензина мимо бензобака. А вот принципиальную целесообразность кражи чёрного БМВ долго объяснять не пришлось. Так и сюжет видеоклипа данной песни также строится вокруг чёрного БМВ. Что и говорить о том, что своей популярностью артист во многом обязан песне «Чёрный бумер», изданной в 2004 году, через год после выхода на экраны режиссёрского дебюта Буслова.

Стоит добавить, что к исследованию социальной виртуальности можно подходить, главным образом, двумя путями. Первый заключается в непосредственном изучении виртуального общества – об этом типе говорилось выше. Второй тип представляет собой исследование отношений между социальной виртуальностью и социальной реальностью, где первая понимается как часть второй. Субкультурный стиль неизбежно влияет на предмет обоих этих исследовательских направлений.

Призрак ездит по России – призрак бандитизма

13 марта 2010 года примерно в половину первого ночи в столичном районе Кунцево два милиционера сталкиваются с вооружённым сопротивлением при попытке проверить документы. Преступники с места скрываются, один из милиционеров погибает, другой получает серьёзное ранение. На месте находят паспорт и водительское удостоверение на имя Якуба Картакаева, а свидетели дают показания, в которых в качестве транспорта предполагаемых преступников фигурирует автомобиль БМВ. В рамках настоящего исследования автором работы был проведён анализ публикаций на сайтах русскоязычных СМИ, которые затрагивают данные события в Кунцево.

В фокусе внимания находятся все публикации, доступные в качестве результатов поиска по запросу «Картакаев» и, в ряде случаев, «Кунцево» на сайтах таких СМИ как: Известия (izvestia.ru), Коммерсант (kommersant.ru), НТВ (ntv.ru), NEWSru.com (newsru.com). Рабочая выборка (N=23) содержит публикации, соответствующие как минимум одному из двух критериев: (1) наличие информации об автомобиле БМВ; (2) наличие информации, важной для описания общего контекста события. При этом подавляющее большинство публикаций соответствует первому или обоим критериям. Поисковый запрос обусловлен тем, что документы Картакаева были найдены на месте преступления довольно быстро (публикации о найденных паспорте и водительском удостоверении – одни из первых, утренних), вследствие чего фамилия попала во все новостные выпуски. Поиск осуществлён 28.12.2015 с помощью наличествующих на упомянутых сайтах инструментов. Заметим, что публикации НТВ, по сути, являются расшифровками телевизионных сюжетов программы «Сегодня», видеозаписи которых также размещены на сайте и в некоторых случаях представляют интерес, что было учтено в рамках проведённого анализа.

Одними из первых на месте преступления оказываются сотрудники телеканала НТВ, самая ранняя публикация сделана в восемь утра. Обратимся к ней:

«Младший лейтенант Денис Климович и сержант Константин Быков из группы немедленного реагирования Кунцевского УВД ехали на бытовую ссору. По пути на улице Полоцкой экипаж наткнулся на чёрный БМВ (BMW), “семерка” показалась подозрительной и ее решили проверить, попросив тех, кто в ней находился, предъявить документы. В итоге получилась погоня со стрельбой, ее открыли из иномарки. Климович погиб на месте, Быков успел выпустить вслед БМВ всю обойму из табельного оружия»³⁰.

Уже здесь над здравым смыслом берёт верх то ли сознательное стремление драматизировать описание, то ли недостаточная компетентность или неверная

³⁰ Неизвестные открыли огонь по милиционерам. 13.03.2010, 08:01 (<http://www.ntv.ru/novosti/187964>).

информированность журналистов. Дело в том, что никакой погони со стрельбой, конечно, быть не могло, т.к. трудоспособных сотрудников МВД на месте не оставалось.

Если сначала автомобиль БМВ фигурировал в сюжетах вполне нейтрально, то в публикации от часа дня (показателен её заголовок, который практически является пересказом сюжета «Бумера»: «В Москве ищут бандитов на черной БМВ») уже возникает стереотипизированный «подозрительный автомобиль БМВ (BMW) без номеров»³¹. Далее описания «априорных» криминогенных свойств автомобиля имеют тенденцию только усиливаться. К примеру, выдержка из более поздней публикации: «Группа немедленного реагирования, патрулируя район, остановилась возле черного тонированного БМВ (BMW) седьмой серии без номеров»³². Чёрный, тонированный³³, без номеров – полный комплект характеристик «бандитского» автомобиля собран. Данная склонность к стереотипизированному описанию присутствует в большинстве изученных публикаций.

А теперь несколько слов о том, что же произошло на самом деле. Дело в том, что милиционеры остановили идущего пешком Картакаева для проверки документов и тот начал оказывать сопротивление, во время чего рядом остановился БМВ, водитель которого любезно предложил помощь в задержании нарушителя. Стражи порядка отвлеклись на него, чтобы отказаться, чем воспользовался Картакаев, произведя выстрелы. Из-за выстрелов водитель БМВ испугался и быстро уехал, что потом было интерпретировано свидетелями как удаление преступника с места преступления. В самом деле, в свете мифологизированного представления о БМВ как о «криминальной» машине, один из поздних заголовков звучит почти противоречиво: «Водитель BMW пытался помочь милиционерам задержать преступника»³⁴. По ранним публикациям видно, что в органах изначально не рассматривали такую версию.

Особенного внимания в данном контексте достойно то рвение, с которым заблуждались журналисты телеканала НТВ. Уже к вечеру 13 марта в программе «Сегодня» был показан настоящий короткометражный «Бумер» в форме графической реконструкции событий в Кунцево (см. рисунок 1). Интересно, что на сайте НТВ эта публикация с серьёзным отрывом лидирует по количеству просмотров среди прочих публикаций о кунцевском происшествии. Именно НТВ можно считать одним из ведущих поставщиков фильмов, сериалов и телешоу криминальной тематики на российском телевидении. Такого рода тематическая специализация канала может служить одним из объяснений того формата, в котором преподносились новости о стрельбе в Кунцево.

³¹ В Москве ищут бандитов на черной БМВ. 13.03.2010, 13:03 (<http://www.ntv.ru/novosti/187985>).

³² Ночная перестрелка. 13.03.2010, 19:06 (<http://www.ntv.ru/novosti/187991>).

³³ О тонировке см. напр.: (Featherstone, 2005, p. 12).

³⁴ Водитель BMW пытался помочь милиционерам задержать преступника. 16.03.2010, 16:21 (<http://izvestia.ru/news/467737>).

Рисунок 1. Кадр программы НТВ «Сегодня», 13 марта 2010. Источник: Ночная перестрелка. 13.03.2010, 19:06 (<http://www.ntv.ru/novosti/187991>).

Жанровые границы между документацией реальности и художественным вымыслом сегодня зачастую стираются, образуя некий синтетический продукт (Ferrell, 1999, p. 408). Так, в телевизионных шоу документальная съемка зачастую помещается в развлекательный контекст, или, наоборот, в серьёзные выпуски новостей вмешиваются элементы «спектакля и карнавала преступности». То же самое нередко касается письменного текста. Представляется, что такая новеллизация реальности может осуществляться как через содержание, так и через форму. Текст о бандитах на чёрном БМВ, производимый СМИ как реакция на события в Кунцево, являет собой пример подобного стирания границ. Он носит именно содержательный характер – в нём не столько отличается язык повествования, сколько присутствует стилевой элемент криминальной субкультуры в виде автомобиля БМВ, интерпретируемый и репрезентируемый вполне конкретным образом.

В то же время новостных текстов, которые можно случайно вписать в категорию прозы, тоже достаточно. Яркий пример – «Последний патруль». Так озаглавлена одна из публикаций по поводу кунцевского происшествия в Известиях. Здесь характерен как язык описания, свойственный скорее художественным текстам, так и совершенное отсутствие достоверной информации о произошедшем (несмотря на то, что публикация датирована 15 марта, т.е. через два дня после события):

«Темный “БМВ” без номеров Быков и Климович заметили через полтора часа рядом с пятиэтажкой. Машина стояла с выключенным двигателем, внутри находилось трое – двое впереди, один сзади. Климович с Быковым остановились, вышли из машины и приблизились к иномарке со стороны пассажирского сиденья»³⁵.

³⁵ Последний патруль. 15.03.2010, 10:20 (<http://izvestia.ru/news/359474>).

Нам уже известно, что всё происходило совсем не так. Приведём также отрывок, наиболее интересный в плане (не)достоверности информации. Остаётся только догадываться, как могли бы стать известны такие тонкие подробности, даже если бы всё описанное было правдой:

«Когда Климович зажег фонарь, чтобы рассмотреть документ, луч упал на правый карман водителя, откуда торчала рукоятка пистолета. Младший лейтенант попятился и приказал водителю выйти. Быков, видя, что дело принимает серьезный оборот, расстегнул кобуру и наполовину вытащил свой пистолет. Но, к сожалению, патрона в патроннике у милиционера не было»³⁶.

Стоит добавить, что эта публикация строится на разговоре с начальником ОВД по району Кунцево Иваном Красных, который, как это видно из полного текста статьи, внёс свой творческий вклад в эту целиком сфабрикованную сюжетную линию:

«Водитель вышел и сразу выстрелил в Быкова, - говорит Красных. - Пуля попала ему в живот, сержант упал. А через мгновение - пуля приходится Климовичу в грудь. Когда тот упал, бандит добил его выстрелом в голову. Раненый Быков успел передернуть затвор и тоже открыл огонь. Машина сорвалась с места, двое бандитов решили бросить товарища и скрыться. Быков продолжал стрелять, он выпустил восемь пуль и попал оставшемуся бандиту в ногу. Тот стрелял в ответ, Быков получил ранение в плечо. Потом, хромя, преступник скрылся во дворах»³⁷.

В заключение вновь обратимся к словам Волкова: «теперь, когда бандит практически исчез, уйдя в могилу, в бизнес или в региональные администрации, культуриндустрия заработала на полную мощность, возвращая бандита в нашу жизнь, но уже в другом, мифологизированном виде, препарированном по законам кино- и телесериала» (Волков, 2004, с. 106). Действительно, история постсоветского пространства это не только история становления новой экономики и политики, но и история генезиса стереотипных представлений о реальности, обусловленных культурными процессами. С некоторой долей обобщения можно заключить, что «боевая машина вымогателей» стала мифологическим призраком, вызываемым интерпретациями в случаях, подобных рассмотренному. Интерпретации неотделимы от интерпретирующих субъектов – подобно тому, как исследуемые акторы вкладывают некие значения в объекты, сам исследователь тоже неизбежно имеет дело с пользовательским интерфейсом культуры. Таким образом, сам факт выбора темы исследования уже является косвенным подтверждением сделанных предположений. Если бы рассмотренный здесь стереотип не воспроизводился в медийном пространстве, то не закрепился бы в сознании автора, принадлежащего именно к изучаемой постсоветской культуре, и он никогда бы не обратил своего внимания на данную тему.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

В качестве перспективы для дальнейшего рассмотрения можно отметить, что властным элитам современной России тоже свойственны определённые формы самопрезентации. Гипотетически эти формы самопрезентации мало чем отличаются от свойственных бандитам девяностых. Здесь поможет обращение к тезису о том, что государство в теоретическом смысле ничем не отличается от группировки бандитов, обладающих силовым ресурсом и собирающих дань (Волков, 2012). Властные элиты, на текущий момент обладающие монополией на легитимное применение насилия, используют для самопрезентации соответствующие статусу символические элементы. В частности, это касается автомобилей определённых марок, расцветок, комплектаций и прочих внешних характеристик. К примеру, Антон Олейник указывает на закреплённость определённых разновидностей автомобилей за рядом должностей в органах государственной власти. В этом ключе приводятся сведения об автомобилях БМВ седьмой или пятой серии в зависимости от положения в статусной и должностной иерархии. Один из респондентов Олейника описывает положение дел следующим образом: «Служебные машины – есть определенное отличие. То есть это скорее не столько корпоративная культура, сколько процедура чуть ли не на уровне закона: на какой машине кто должен ездить» (Олейник, 2011, с. 45).

Возможный вариант ответа может быть получен с помощью взгляда Ирвинга Гофмана: когда «индивид принимает постоянную социальную роль, он обычно обнаруживает, что какой-то передний план для неё уже установлен» (Гофман, 2000, с. 60). Получается, что как в исполнении роли бандита, так и в исполнении роли государственного служащего используются элементы одного и того же переднего плана, который, в свою очередь, институционализирован «в виде обобщённых стереотипных ожиданий» (там же, с. 59–60). Забрав из рук бандитов роль продавца на рынке силовой защиты, государственные служащие одновременно с этим переняли уже сформированный в данном социально-культурном и историческом контексте передний план, установленный для этой роли. Наконец, оставим в стороне вопрос о том, идёт ли здесь речь об одних и тех же людях.

Список литературы

1. Викторов Д., Сирин И. 2005. Быстрый и шальной. *Бизнес-журнал*, 22(82), 46–50.
2. Волков В.В. 2004. От вымысла к реальности: «Брат 2» и «Бумер». *Неприкосновенный запас*, 6(38), 106–108.
3. Волков В.В. 2012. *Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

4. Гишинский Я.И. 2012. Современные тенденции мировой криминологии. *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*, 3, 5–14.
5. Гофман И. 2000. *Представление себя другим в повседневной жизни*. М.: КАНОН-пресс-Ц.
6. Добрынин С. 2011. Теоретические предпосылки конструирования девиантности. В кн.: Я. И. Гишинский (ред.). *Конструирование девиантности*. СПб.: ДЕАН, 17-34.
7. Елистратов В.С. 2000. *Словарь русского арго: Материалы 1980-1990 гг.: Около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений*. М.: Русские словари.
8. Кристи Н. 2006. *Удобное количество преступлений*. СПб.: Алетейя.
9. Олейник А.Н. 2011. *Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов*. М.: РОССПЭН.
10. Шнайдер Г.Й. 1994. *Криминология*. М.: Прогресс-Универс.
11. Becker H. 1966. *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. New York: The Free Press.
12. Cohen A.K. 1997. A general theory of subcultures. In K. Gelder, S. Thornton (eds.). *The Subcultures Reader*. London: Routledge, 44-54.
13. Featherstone M. 2005. Automobilities: An Introduction. In M. Featherstone, N. Thrift, J. Urry (eds.). *Automobilities*. London: SAGE Publications, 1-24.
14. Ferrell J. 1999. Cultural Criminology. *Annual Review of Sociology*, 25, 395–418.
15. Ferrell J. 2004. Style Matters. In J. Ferrell, K. Hayward, W. Morrison, M. Presdee (eds.). *Cultural Criminology Unleashed*. London: The GlassHouse Press, 61-63.
16. Ferrell J., Hayward, K., Young, J. 2008. *Cultural Criminology: An Invitation*. London: SAGE Publications.
17. Gambetta D. 2009. *Codes of the Underworld: How Criminals Communicate*. Princeton: Princeton University Press.
18. Hayward K., Young J. 2012. Cultural criminology. In M. Maguire, R. Morgan, R. Reiner (eds.). *The Oxford Handbook of Criminology*. Oxford: Oxford University Press, 113-137.
19. Ledeneva A.V. 2013. *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*. Cambridge: Cambridge University Press.
20. Simester A.P., von Hirsch A. 2014. *Crimes, Harms and Wrongs. Principles of Criminalisation*. Oxford: Hart Publishing.
21. Thornton S. 1997. The social logic of subcultural capital. In K. Gelder, S. Thornton (eds.). *The Subcultures Reader*. London: Routledge, 200-209.